

ДОНЦЫ НА КАВКАЗЪ.

УЧРЕЖДЕНІЕ НА КАВКАЗЪ ПОСТОЯННЫХЪ ШТАБОВЪ ДОНСКИХЪ КАЗАЧЬИХЪ ПОЛКОВЪ.

Давно уже на Кавказѣ поселилась мысль, что для служащихъ тамъ донскихъ полковъ необходимо дать другое устройство, по которому они могли бы служить тамъ болѣе продолжительные сроки. Мысль эта первоначально родилась при воспоминаніи о подвигахъ донцовъ на Кавказѣ, въ началѣ настоящаго столѣтія, когда полки ихъ оставались на службѣ по десяти и болѣе лѣтъ, безъ перемѣны. Когда же на мѣсто этихъ закаленныхъ въ бою воиновъ стали приходиться съ Дона новые полки, которые черезъ три года смѣнялись другими, то сравненіе службы прежнихъ полковъ съ полками новыми было не совсѣмъ выгодно для послѣднихъ.

Мысль о назначеніи для донскихъ полковъ болѣе продолжительныхъ сроковъ службы на Кавказѣ въ послѣдствіи раздѣляло и начальство Кавказскаго края, которое неоднократно дѣлало попытки объ учрежденіи иного порядка для донскихъ

полковъ; но старанія эти не имѣли успѣха отъ противорѣчія войсковаго начальства, которое не давало своего согласія на какое либо измѣненіе сроковъ ихъ службы. А, между тѣмъ, на Кавказѣ начала мало по малу распространяться молва, что донцы уже не прежніе удалцы. Толки эти усиливались отъ сравненія донскихъ полковъ съ полками кавказскаго линейнаго казачьяго войска, которые, по причинѣ благопріятствующихъ для нихъ обстоятельствъ, стали служить на Кавказѣ съ большимъ успѣхомъ.

Линейные казацы полки получили начало свое на Кавказѣ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, по рѣкамъ Кубани и Тереку, гдѣ въ то время была Кавказская линія. Основаніемъ для линейныхъ полковъ служили выселяемые съ Дона казацы семейства; къ нимъ присоединяли выходцевъ изъ сосѣднихъ губерній (особенно изъ Малороссіи) и нагайскихъ Татаръ. Такъ составилось восемь линейныхъ полковъ, которые своими станицами заняли пространство отъ Черноморіи до Кизляра. Станицы эти, окруженныя глубокими рвами и огражденныя валами, поросшими колючимъ терновникомъ, составляли укрѣпленія, неприступныя для горцевъ, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ станицахъ былъ неусыпный караулъ изъ охранявшихъ ихъ войскъ и вооруженныхъ жителей, всегда готовыхъ отразить непріятеля. Казаки, и нерѣдко даже ихъ жены, выходили изъ станицъ, на полевыя работы и для пастьбы скота, вооруженные и всегда подъ прикрытіемъ конвоя, а при угрожающей опасности подъ охраненіемъ малыхъ и большихъ отрядовъ. Постоянно находясь лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, всегда готовые вступить съ нимъ въ бой, жители такихъ станицъ, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, пріучались къ битвамъ и, слѣдя за образомъ войны горцевъ, перенимали у нихъ хитрости и уловки, что, конечно, давало линейнымъ казакамъ большое преимущество предъ донскими. Не слѣдуетъ скрывать и того, что возвышенію духа линейцевъ весьма много способствовали также оказываемыя имъ кавказскимъ начальствомъ исключительное покровительство и попечительная заботливость о всѣхъ нуждахъ ихъ, на что, впрочемъ, они имѣли и большія противу донцовъ права, по принадлежности своей къ постояннымъ войскамъ края. Особенно милостивъ къ нимъ былъ графъ Паскевичъ-Эриванскій: онъ удостоивалъ линейцевъ такимъ задушевнымъ расположеніемъ, что оно,

по сравненію съ его взглядомъ на донцовъ, казалось иногда уже пристрастіемъ.

Все это вмѣстѣ произвело на служившихъ въ Кавказскомъ краѣ донцовъ весьма сильное нравственное вліяніе, обозначившееся общимъ среди нихъ уныніемъ и отсутствіемъ всякой самоувѣренности, и долго тогда не было слуховъ о какомъ либо молодецкомъ подвигѣ донцовъ на Кавказѣ.

Для большаго объясненія причинъ, почему донцы, стяжавшіе въ Отечественную войну такую громкую военную славу, чрезъ 20 лѣтъ потомъ являются уже посредственными воинами на Кавказѣ, мы считаемъ себя обязанными сказать нѣсколько словъ объ образѣ веденія войны на Линіи. Конечно, для служившихъ въ той сторонѣ мы не можемъ сказать ничего новаго; но для людей, вовсе незнакомыхъ съ Кавказомъ, надѣмся пояснить нѣкоторыя обстоятельства, которыя безъ того показались бы темными въ настоящемъ вопросѣ.

Давно утвердилось мнѣніе, что какъ для обученія регулярной кавалеріи необходимы рекрутскій уставъ, манежъ, эволюціи и маневры, такъ самая лучшая школа для усовершенствованія иррегулярной кавалеріи есть война. Безъ сомнѣнія, чѣмъ болѣе дѣлается военныя дѣйствія, тѣмъ опытнѣе, тѣмъ безстрашнѣе дѣлаются казачьи полки, особенно если имъ посчастливилось имѣть въ это время искусныхъ начальниковъ. Служба казаковъ въ 1812 г. была главнымъ образомъ потому успѣшна, что полки донскіе предъ тѣмъ многіе годы провели въ разныхъ кампаніяхъ: въ Австріи, Пруссіи, Турціи и Финляндіи.

Но кто служилъ на Кавказѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, подтвердитъ, что не только самое лучшее знаніе теоріи войны, но даже и долгая опытность, приобрѣтенная въ европейской и въ азійской войнѣ, для Кавказа недостаточны. Горскіе народы и способъ веденія ими войны не подходятъ ни подъ какія правила. Они мгновенно могутъ собрать въ своихъ аулахъ сильный кавалерійскій отрядъ и черезъ нѣсколько часовъ перенести его за 100 и болѣе верстъ. Для нихъ и пѣшихъ суворовскіе марши дѣло самое обыкновенное. Такіе отряды нерѣдко появляются въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ всего менѣе ожидаютъ ихъ, производятъ страшныя опустошенія, истребляютъ встрѣчающіяся съ ними небольшія военныя команды, безчело-

вѣчно рубятъ жителей, не разбирая ни пола, ни возраста, совершаютъ неистовыя насилія и беспощадный грабежъ и, обремененные добычею, исчезаютъ въ горахъ, предавъ пламени все, чего не могли увести съ собою. Если не принять предварительныхъ мѣръ къ отрѣзанію горцамъ пути отступленія, то почти невозможно настигнуть ихъ погоною; если даже войска наши сойдутся съ ними, то надобно слишкомъ большое искусство и знаніе мѣстности, чтобы прижать ихъ къ какому нибудь безвыходному мѣсту и заставить драться: въ противномъ случаѣ, они разсѣваются и исчезаютъ. Гористая мѣстность Кавказа, покрытая оврагами, пересѣченная бурными потоками и быстрыми рѣками, ставитъ на каждомъ шагу для войскъ нашихъ важныя и иногда непреодолимыя препятствія; а горецъ, на своемъ конѣ, скачетъ, какъ заяцъ, по опаснымъ каменистымъ тропинкамъ, по крутымъ скаламъ, карабкается, какъ кошка, по отвѣснымъ почти горамъ и безстрашно бросается во всѣ бурныя воды, знаетъ каждый камень своей непроходимой мѣстности, изучивъ ее съ дѣтства.

То же можно сказать и о хищническихъ партіяхъ горцевъ: вокругъ путника, вдругъ, какъ бы выходя изъ земли, является толпа разбойниковъ, разгоняетъ или истребляетъ конвой, схватываетъ путника и, привязавъ его къ лошади, мчитъ въ горы, не обращая вниманія на муки и страданія несчастнаго плѣнника. Примчавъ полуживаго въ какую нибудь дальнюю труппу, содержатъ его подъ строгимъ присмотромъ, изнуряютъ трудными работами, даже побоями, пока не принудятъ къ дорогому выкупу, а если не надѣются на выкупъ, то держать плѣнника въ тяжелой неволѣ или продаютъ въ дальнія земли.

Противъ такого образа веденія войны, въ огражденіе отъ разбойничьихъ набѣговъ, приняты на Кавказѣ разныя мѣры, свойственныя одной тамошней службѣ: учреждены, въ разныхъ мѣстахъ, по рѣкамъ кордонныя линіи, на нихъ устроены укрѣпленные стѣнами, бойницами и вооруженные пушками посты, поставлены въ виду одна отъ другой вышки, пикеты которыхъ могутъ обозрѣвать всю окрестность на далекое пространство. По всей линіи непрерывно посылаются разъѣзды, нерѣдко отправляющіеся и за черту линіи, но въ сильной численности людей и съ большими предосторожностями. Ночью по линіи разставляютъ частыя секреты, которые бдительно наблюдаютъ

за всякимъ слѣдомъ и за «сакмою» (*). Проѣзжающихъ по дорогамъ всегда сопровождаютъ конвои, которые усиливаются по мѣрѣ опасности мѣста или по мѣрѣ получаемыхъ свѣдѣній о какомъ либо прорывѣ хищническихъ партій; тамъ же, гдѣ можно ожидать нападенія непріятельскихъ полчищъ, проѣзжающіе отправляются не иначе, какъ съ сильными отрядами, называемыми, по тамошнему, «оказіями», съ баталіономъ (и болѣе) пѣхоты и орудіями. Много употребляютъ и другихъ предосторожностей; но всѣ онѣ, при самомъ бдительномъ и точномъ исполненіи, недостаточны для полнаго огражденія отъ внезапныхъ нападеній непріятеля, неуволимаго, полувоздушнаго. Пользуясь темною ночью или густымъ туманомъ, горцамъ неоднократно удавалось схватывать наши секреты и тайно пробираться черезъ линіи. Пока обнаруживался ихъ прорывъ, они успѣвали уже проникнуть внутрь страны, распространить среди селеній нашихъ смерть, опустошеніе и исчезнуть съ добычею.

На Кавказѣ давно введено особенное средство предупреждать эти кровавые набѣги и заблаговременно принимать противъ нихъ надлежащія мѣры. Такъ, всѣ почти начальники, и главные и частные, стараются пріобрѣтать между самыми черкесами «кунаковъ» (друзей), въ особенности заводитъ знакомство съ князьями и значительными узденями, а также имѣтъ въ своемъ служеніи многихъ между горцами шпионовъ и лазутчиковъ и черезъ безпрестанныя сношенія съ ними знаютъ заблаговременно, что въ аулахъ затѣвается и предпринимается. Особенная склонность горцевъ къ хорошему, даровому угощенію и алчность къ деньгамъ облегчаютъ средства къ такимъ сношеніямъ.

Поэтому, какъ только князья и старшины горцевъ замышляютъ какое либо собраніе, тотчасъ дается о томъ знать нашему начальству кунаками и лазутчиками, а иногда самими князьями, которые находятся въ этомъ собраніи и нерѣдко участвуютъ даже въ тайныхъ ихъ совѣщаніяхъ; такимъ же образомъ мы тотчасъ имѣемъ свѣдѣніе о каждомъ движеніи скопища и объ его намѣреніи. Даже о самыхъ предпріятіяхъ разбойничихъ партій, если не всегда, то весьма часто, получаемъ мы прежде увѣдомленія, что даетъ средство принять нужныя мѣры и уничтожить ихъ замыслы, а если и не успѣемъ предупредить разбой, то

(*) Слѣдъ по росистой травѣ.

имѣемъ черезъ кунаковъ и лазутчиковъ возможность отыскать слѣды плѣнниковъ, выкупить ихъ у похитителей и нерѣдко (что гораздо дешевле) выкрасть у нихъ несчастныя жертвы. Очевидно, что для пріобрѣтенія всѣхъ этихъ знакомствъ, споровокъ и сношеній нужна опытность, которая достигается временемъ; безъ этого же, даже при хорошихъ средствахъ, ничего не узнаешь.

Донскіе полки, какъ извѣстно, приходятъ на Кавказъ на три года. Полки эти составляются по большей части изъ половины малолѣтковъ, нигдѣ еще не бывшихъ на службѣ; другая половина хотя и состоитъ изъ старыхъ казаковъ, но служившихъ въ иныхъ странахъ, если же и на Кавказѣ, то чрезвычайно рѣдко въ томъ мѣстѣ, куда они снова прибыли служить, а на Кавказѣ каждая мѣстность имѣетъ свои особенности.

Какая разница, на примѣръ, Дагестана съ правымъ флангомъ Кабардою, Закавказьемъ и проч.! Объ офицерахъ, въ этомъ отношеніи, можно сказать то же, что и о казакахъ. Полки донскіе выступаютъ въ походъ безъ всякаго приготовленія и обученія, кромѣ того развѣ, что по праздникамъ урядники и казаки, служившіе въ гвардіи, артиллеріи или учебномъ полку, собираютъ въ станицахъ и хуторахъ малолѣтковъ и мальчиковъ и заставляютъ ихъ, вмѣсто игры, маршировать, что, разумѣется, ни къ чему не ведетъ для кавказской службы. При нарядѣ полка, зачисленные въ оный казаки являются изъ станицъ прямо на сборное мѣсто и черезъ день отправляются въ походъ. Во время слѣдованія полка со сборнаго мѣста до пункта его служенія, очень мало найдется времени и удобства для воинскихъ упражненій, и, поистинѣ, надобно отдать особую честь тѣмъ полковымъ командирамъ и офицерамъ, которые на маршѣ успѣваютъ пріучить казаковъ къ первоначальнымъ оборотамъ и владѣнію оружіемъ да устроить въ полку дисциплину и порядокъ. Такимъ образомъ, полкъ новый и мало обученный приходитъ въ дикую, незнакомую ему сторону, гдѣ все — и люди, и мѣстность, и образъ службы—представляетъ такія исключительности, что чины новаго полка не имѣли и понятія о нихъ, кромѣ развѣ темныхъ разсказовъ стариковъ, служившихъ прежде на Кавказѣ. Разумѣется, полкъ обязанъ учиться тамошней службѣ что называется съ азбуки, да притомъ дорого платить за свои уроки и невыгоднымъ для него сравняемъ съ ди-

нейцами и своею кровью при набѣгахъ Черкесовъ. Счастливъ полкъ, если имѣетъ полковаго командира и офицеровъ, энергія и способности которыхъ преодолеваютъ всѣ эти невыгоды и затрудненія, вполне ознакомятся со всѣми потребностями кавказской службы и приучатъ къ тому казаковъ: тогда, хотя подъ конецъ трехлѣтней службы, полкъ начинаетъ служить славно и причисляется къ числу тѣхъ немногихъ, которыхъ имя произносится и послѣ долго воспоминается съ уваженіемъ и похвалами; въ противномъ случаѣ, полкъ проведетъ все свое трехлѣтіе разобраннѣмъ на части, подъ чужимъ начальствомъ, не удостоится лестныхъ о немъ отзывовъ. Но и опытность самыхъ отличныхъ полковъ, снисканная такими усиліями и такими пожертвованіями, не приноситъ никакихъ плодовъ, потому что, по истеченіи трехлѣтія, имъ некому передать своихъ свѣдѣній. Съ перемѣною полка, и познанія его, и навыкъ, и споровка, и знакомство, — все разсѣвается прахомъ; результаты подвиговъ и отличной службы такихъ полковъ исчезаютъ; даже самое имя ихъ передается забвенію.

Чтобы довести полки донскіе до лучшаго усовершенствованія, на Дону давно возродилась мысль имѣть въ донскихъ полкахъ неперемѣняющійся составъ чиновъ. Мысль эта всегда имѣла и до сихъ поръ имѣетъ у насъ и жаркихъ поборниковъ, и неуступчивыхъ противниковъ не только между старыми и молодыми офицерами, но даже и между начальствующими въ войскѣ лицами. Не здѣсь мѣсто разбирать и оцѣнивать важную пользу вообще для службы отъ установленія въ донскихъ полкахъ неперемѣняющагося состава чиновъ, не здѣсь мѣсто также разсуждать, въ какой мѣрѣ это установленіе могло бы, напротивъ, стѣснить казаковъ въ домашнемъ быту ихъ и будто бы вредно подѣйствовать на ихъ духъ и смѣтливость; но, конечно, неоспоримо то, что самое лучшее приготовленіе и обученіе казаковъ на Дону, и даже въ какомъ либо другомъ краю Имперіи—кромя Кавказа—едва ли принесло бы значительную пользу для службы въ Кавказскомъ краѣ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, намъ самимъ случилось быть на Кавказѣ. Къ душевной отрадѣ нашей, мы имѣли возможность удостовѣриться, что разнесенная молва, будто служащіе тамъ донскіе полки ослабѣли въ достоинствахъ своихъ по службѣ, во многомъ преувеличена; если же въ примѣненіи къ

какому либо изъ этихъ полковъ она и можетъ назваться. справедливою, то виною тому не сами донцы. Мы увидѣли, что полки Краснова 2-го и Богаевского, занимавшіе вмѣстѣ съ генералъ-лейтенантомъ Зассомъ новую Лабинскую линію, и полкъ Сычева, находившійся подъ начальствомъ генерала Фрейтага при устройствѣ укрѣпленія Куринскаго, служили отлично и не разъ давали славные уроки Черкесамъ и Чеченцамъ, когда они осмѣливались беспокоить ихъ отрядъ; а полкъ Зарубина, находившійся въ Черноморіи, хотя, по спокойному состоянію тамошняго края, и не имѣлъ случая къ отличіямъ, но пользовался особеннымъ вниманіемъ начальства черноморскаго войска, которое отозвалось о немъ съ большою похвалою. Полки же Гречановскаго, Сербинова, Золотарева и отчасти Грекова поставлены были въ самое жалкое положеніе: ихъ раздробили по кордоннымъ линіямъ и постамя, подчинили штабъ и оберъ-офицерамъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска, а собственныхъ ихъ полковыхъ командировъ и офицеровъ оставили вдали отъ своихъ подчиненныхъ, безъ всякаго дѣла. Это посеяло общее уныніе во всѣхъ чинахъ названныхъ четырехъ полковъ; они вообразили себя угнетаемыми, и, при такомъ убѣжденіи, имъ казалось, что и офицеры чужіе не любятъ ихъ и на службу употребляютъ чаще, чѣмъ своихъ линейцевъ, что самыя военныя отличія ихъ скрываютъ предъ начальствомъ въ пользу линейцевъ, обходятъ наградами и всю ихъ добычу (баранту) у непріятеля отдаютъ однимъ линейцамъ.

Походные атаманы донскихъ полковъ, понимая весь вредъ для службы отъ подобнаго раздробленія состава полка, удаленія отъ него собственныхъ начальниковъ и подчиненія стороннимъ, неоднократно объясняли кавказскому начальству несообразность этой мѣры, черезъ которую донскіе полки приходятъ въ разстройство, а офицеры ихъ чувствуютъ ничѣмъ незаслуженное оскорбленіе, но всегда получали въ отвѣтъ, что никто не думаетъ унижать донскіе полки и тѣмъ менѣе обижать кого либо изъ донцовъ; напротивъ, были бы очень рады поручать самое начальство надъ линіями донскимъ полковымъ командирамъ, но что неопытность ихъ, незнакомство съ мѣстностію Кавказа и, главное, совершенное невѣдѣніе о свойствахъ тамошняго непріятеля, по необходимости, заставляютъ замѣнять донскихъ офицеровъ линейными.

Въ 1842 году, посѣтилъ Кавказскій край бывшій военный министръ князь Чернышевъ. Зная хорошо донцовъ съ отечественной войны, онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы они въ такой небольшой періодъ времени могли дѣйствительно такъ измѣниться, какъ ихъ описывали. Князь Чернышевъ, напротивъ, утверждалъ, что если гдѣ либо служатъ донцы не съ должнымъ успѣхомъ, то оттого, что не умѣютъ употреблять ихъ какъ слѣдуетъ. Однакожь, касательно раздробленія донскихъ полковъ по постамя и подчиненія ихъ линейному начальству онъ принужденъ былъ согласиться, что это дѣло неизбѣжное.

Намъ разсказывали, что князь Александръ Ивановичъ, пригласивъ однажды къ своему обѣденному столу командировъ линейныхъ полковъ и поблагодаривъ ихъ за отличную службу, прибавилъ: «одно только мнѣ непріятно, что мои донцы отъ васъ отстали». — «Не обвиняйте, ваше сіятельство, донскихъ казаковъ — возразилъ одинъ старый прямодушный полковникъ — наши полки имѣютъ передъ донскими то преимущество, что живутъ здѣсь постоянно, вполне ознакомились съ здѣшнимъ народомъ и мѣстностію и освоились съ требованіями кавказской службы, а вся бѣда для донцовъ — ихъ перемѣнная служба: приходятъ они сюда новичками, не знающими ничего, что здѣсь нужно, а какъ только, въ продолженіе трехъ лѣтъ, попривыкнутъ къ нашей службѣ, такъ должны возвращаться на Донъ: оттого и пріобрѣтенная ими опытность пропадаетъ бесполезно. Если бы донскіе полки служили не три года, а побольше, или другимъ какимъ образомъ постоянно, такъ они, пожалуй, перещеголяли бы насъ, потому что они не были бы связаны ни семействами, ни хозяйствомъ, попеченія и заботы о которыхъ отвлекаютъ у нашихъ казаковъ вниманіе отъ служебныхъ обязанностей и занимаютъ всѣ ихъ мысли.» — «Знаете ли что, господа — отвѣчалъ князь — когда мы составляли для войска донскаго положеніе, то мнѣ часто приходило на мысль устроить службу донцовъ на Кавказѣ какимъ нибудь другимъ образомъ; но донскіе члены комитета всегда спорили со мною, утверждая, будто нарушеніе стариннаго порядка службы донскихъ полковъ вредно подѣйствовало бы на весь бытъ донцовъ и ослабило бы духъ ихъ.»

Послѣ такого отзыва военнаго министра, сужденія о пользѣ

посылки на Кавказъ донскихъ полковъ съ перемѣняющимся составомъ чиновъ поднялись съ новою силою. Казачье начальство въ Тифлисѣ должно было пристать къ общему мнѣнію. Нужно было только найти такой способъ, чтобы существованіе на Кавказѣ донскихъ полковъ, продолжаясь непрерывно, не страивало остающихся на Дону казачьихъ семействъ и не довело бы до упадка ихъ хозяйствъ.

Съ этою цѣлью признано необходимымъ, чтобы штабы полковъ, находящихся по сю сторону Кавказа, оставались постоянно на мѣстахъ настоящаго ихъ служенія, безъ перемѣны или отправления на Донъ, а самые полки, вмѣсто трехъ-годичной перемѣны въ цѣломъ составѣ ихъ, обновлялись одною третьею частию полка, то есть, чтобъ ежегодно приходили съ Дона двѣ сотни, съ потребнымъ числомъ добавочныхъ казаковъ, для пополненія убыли въ остающихся сотняхъ: отъ смертности, отъ сдѣлавшихся неспособными къ службѣ по болѣзнямъ и отъ увольняемыхъ по законнымъ причинамъ. Очевидно, что, при такомъ порядкѣ, весь полкъ обновится въ продолженіе трехъ лѣтъ и никто изъ казаковъ не будетъ задержанъ на Кавказѣ болѣе положеннаго трехъ-годичнаго термина.

Если, такимъ образомъ, будетъ при полковомъ штабѣ оставаться всегда около двухъ-третей казаковъ, то они скоро могутъ сообщать новоприбывшимъ товарищамъ своимъ пріобрѣтенную ими опытность и познанія. Извѣстная смѣтливость и понятливость донцовъ представляютъ вѣрное ручательство, что для такого образованія не нужно долгое время: свои у своихъ станутъ учиться охотнѣе и свои своимъ будутъ показывать усерднѣе. При такомъ новомъ устройствѣ, донскіе полки не только не будутъ терять опытности, сноровокъ и умѣнья, пріобрѣтенныхъ ими съ большимъ стараніемъ, трудностями и опасностями, но безпрестанно станутъ передавать ихъ отъ старыхъ казаковъ новымъ, которые, въ свою очередь, и сами будутъ замѣчать не пріятельскія хитрости и придумывать противъ нихъ собственныя свои уловки. Развивая военныя знанія болѣе и болѣе, полки могутъ достигнуть до такой степени совершенства, что сдѣлаются украшеніемъ кавказской службы; увольняемые же изъ нихъ на Донъ казаки, молодые, пробывъ въ такой школѣ три года, будутъ и въ другихъ войнахъ истиннымъ сокровищемъ. Этимъ

однимъ способомъ мы избавились бы отъ тѣхъ напрасныхъ кровавыхъ жертвъ, которыя постоянно платили горцамъ.

Всѣ такія предположенія были переданы генералъ-адъютанту Граббе, который, вполне одобревъ ихъ, представилъ черезъ начальство кавказскаго корпуса къ военному министру. Князь Чернышевъ, находя ихъ, съ своей стороны, удовлетворительными, отправилъ на заключеніе начальства войска донскаго.

Но на Дону проектъ этотъ встрѣченъ былъ съ неудовольствіемъ. Польза его, какъ и всякаго нововведенія, сокрыта была въ будущемъ, а современныя требованія кавказской кордонной службы на Дону были извѣстны немногимъ, потому что и служившіе на Кавказѣ не всѣ о томъ имѣли понятіе. Мы замѣтили уже выше, что мѣстности Кавказа и образъ требующейся тамъ отъ казаковъ службы слишкомъ разнообразны. Грузія, Имеретія и почти каждая изъ областей имѣютъ свои собственные особенности, далеко не тѣ, какія представляетъ Кавказская линія. Вообще на Дону существовало тогда убѣжденіе, что молва о слабомъ служеніи донцовъ на Кавказѣ происходила вовсе не отъ неопытности ихъ, а будто бы отъ зависти къ пріобрѣтенной ими военной славѣ и, главное, отъ соперничества линейныхъ казаковъ, которыхъ кавказское начальство желаетъ поставить на первый планъ. Противъ этого особенно вооружались донскіе ветераны. Тѣ изъ нихъ, которые не служили на Кавказѣ, и слышать не хотѣли, чтобъ наши войны, передъ которыми не разъ сокрушались и разсѣвались силы Наполеона, не могли справиться съ какими нибудь ничтожными горцами. Притомъ, по цѣлому Дону господствовало опасеніе, что предполагаемое учрежденіе въ Кавказскомъ краѣ постоянныхъ штабовъ донскихъ полковъ поведетъ современемъ и къ переселенію туда многихъ семействъ нашихъ, что для жителей Донской Земли кажется тягчайшимъ бременемъ. Самъ тогдашній атаманъ Дона, генералъ отъ кавалеріи Власовъ, славно проведеній въ бояхъ долгую жизнь свою и отличившійся нѣсколькими замѣчательными подвигами на Кавказѣ, сильно возсталъ противъ предложенной мѣры и отвѣчалъ военному министру, что это нововведеніе ослабитъ духъ донцовъ, издревле привыкшихъ, чтобы полки ихъ выступали съ Дона и приходили обратно въ полномъ своемъ :

составѣ; новый же порядокъ нарушаетъ священныя права донцовъ и противорѣчить древнему образу ихъ служенія.

Князь Чернышевъ, уважавшій Власова, какъ стараго сподвижника своего, вѣроятно, не хотѣлъ огорчать его, и представленіе о постоянныхъ штабахъ донскихъ полковъ оставлено безъ всякихъ послѣдствій. На нѣсколько лѣтъ замолчала и молва о немъ, потому болѣе, что донцы, ободренные вниманіемъ къ нимъ новыхъ кавказскихъ начальниковъ: Нейдгардта, Гурко и особенно князя Воронцова, стали служить на Кавказѣ съ лучшимъ уже успѣхомъ; тогда время отъ времени начали раздаваться, какъ и въ старину, слухи о ихъ молодецкихъ подвигахъ. Но впослѣдствіи и князь Воронцовъ призналъ, что для болѣе успѣшной службы донскихъ казаковъ на Кавказѣ необходимо дать имъ новыя правила.

Возвратясь къ оставленному проекту объ учрежденіи на Кавказѣ постоянныхъ штабовъ для донскихъ полковъ и о смѣнѣ самыхъ полковъ не полнымъ ихъ составомъ, а подивизионно, князь Михаилъ Семеновичъ обратился съ вопросомъ объ этой мѣрѣ къ новому донскому атаману, М. Г. Хомутову, который, сознавая и прежде необходимость оной, отозвался полнымъ одобреніемъ проекта новаго порядка смѣны донскихъ полковъ. Возобновившаяся такимъ образомъ переписка по этому, важному для донцовъ, дѣлу окончилась въ началѣ 1860 года Высочайшимъ утвержденіемъ правилъ о третней смѣнѣ служащихъ на Кавказской линіи донскихъ полковъ.

По этимъ правиламъ, въ каждомъ полку должна ежегодно смѣняться третья часть полнаго состава полка, равная, по численности, двумъ сотнямъ, почему полки, кромѣ дѣленія на шесть сотенъ (эскадроновъ), дѣлятся еще на три перемены. Каждая новая перемена, по прибытіи въ полкъ, не употребляется на службу въ полномъ ея составѣ, а распределяется между всѣми сотнями полка поровну и находится на службѣ три года.

Полковые адъютантъ, казначей, знаменщикъ и его ассистентъ, штабъ-трубачъ, лекаръ, писарь и фельдшеръ зачисляются въ ту перемену, которая идетъ подъ командою полковаго командира; этотъ же послѣдній, по прослуженіи трехъ-годовалнаго срока, возвращается на Донъ съ тою же переменною, съ кото-

рою самъ прибылъ на Кавказъ, ибо въ это время новая съ Дона перемѣна приходитъ подъ командою новаго уже полковаго командира, принимающаго отъ прежняго и прочія четыре сотни полка, на законномъ основаніи, подъ квитанцію.

Смѣненныя и возвратившіяся на Донъ перемѣны исключаются изъ состава полка, и чины ихъ поступаютъ въ общій списокъ льготныхъ чиновъ до новой очереди на службу въ тотъ полкъ и край, куда достанется по новому наряду.

Со введеніемъ третней смѣны полковъ, высылка на Донъ ремонтныхъ командъ прекращается, а съ прослужившими трехъ-годичный терминъ перемѣнами возвращаются на Донъ и тѣ нижніе чины, которымъ войсковое начальство назначаетъ льготы по случаю смерти женъ или постигшаго разоренія отъ пожара и по другимъ законнымъ причинамъ.

Съ третними перемѣнами командируются также на службу потребные на укомплектованіе полковъ офицеры и нижніе чины.

Знамя, полковой ящикъ, денежныя суммы, сигнальныя трубы и аптечный выюкъ остаются при полкахъ постоянно и передаются полковыми командирами отъ одного къ другому установленнымъ порядкомъ, подъ квитанцію; остаются также при полку и всѣ полковыя дѣла, инструкціи, предписанія, журналы и проч.

Не станемъ исчислять другихъ подробностей этого новаго порядка, объявленнаго въ приказѣ военнаго министра отъ 12 января 1860 года, за № 9; но какъ на Дону и до сихъ поръ продолжаются сѣтованія о нарушеніи порядка стараго, то мы считаемъ нужнымъ объяснить, какія другія выгоды, сверхъ военнаго усовершенствованія полковъ, представляетъ смѣна ихъ дивизионами.

На Кавказѣ донцы, по неопытности своей относительно мѣстныхъ условій края, приносятъ множество напрасныхъ жертвъ и климату. Давно уже утвердилось мнѣніе, что онъ вообще весьма нездоровъ, не различая, въ этомъ отношеніи, сѣверной стороны горъ отъ Закавказья. Дѣйствительно, за Кавказомъ, въ нѣкоторыхъ, особенно въ низкихъ, мѣстахъ климатъ бываетъ вреденъ даже и для туземцевъ. Хотя нельзя отвергать, что на Линіи непривычные люди часто подвергаются тяжкимъ болѣзнямъ и

смертности, но живущіе тамъ линейные казаки и другихъ сословій поселяне весьма мало подвергаются болѣзнямъ. Климатъ вездѣ имѣетъ свои особенности: если не обращать на нихъ вниманія и не брать предосторожностей, то часто для новаго чело-вѣка онѣ гибельны. Вообще, на Руси климатъ почитается здо-ровымъ, и жители, особенно крестьяне, по привычкѣ къ нему, на холодъ мало обращаютъ вниманія и не вѣрятъ простудѣ: изъ бани бросаются въ снѣгъ и зимою прямо изъ бани отправляются въ дорогу. Но для жителя юга выйти на морозъ въ легкомъ платьѣ, да еще въ испаринѣ, всегда опасно. Что для южнаго чело-вѣка нашъ холодъ, то для Русскаго кавказскій жаръ, а въ гористыхъ мѣстахъ опасны для него еще рѣзкіе переходы отъ жара къ холоду и пронзительные сквозные вѣтры; тамошніе же жители находятъ средства оградиться отъ вреднаго вліянія жара: носятъ одежду, не пропекаемую солнцемъ, защищаютъ голову отъ его лучей и, вообще, въ жаркое время соблюдаютъ строгую умѣренность въ пищѣ и питьѣ. Наши Русскіе, пребы-шіе на Кавказѣ долгое время, перенимаютъ у мѣстныхъ жителей многія ихъ предосторожности отъ климата и вполнѣдствіи под-вергаются болѣзнямъ гораздо менѣе.

Между тѣмъ, донскіе полки, по прибытіи своемъ на Кавказъ, заболѣваютъ сотнями. Неизвѣстность страны, неудобство кор-донныхъ помѣщеній, недостатокъ въ овощахъ, огородной зелени и кореньяхъ, большое, напротивъ, изобиліе дичи и фруктовъ, на которые новые казаки бросаются съ жадностію, порождаютъ повальные болѣзни и смертность. Получивъ потомъ тяжкіе уро-ки, казаки принимаются за мѣры осторожности, и заболѣваніе уменьшается. Теперь сами казаки пришли къ убѣжденію, что привычному да осторожному кавказскій климатъ не страшень.

Кромѣ дѣйствительно вреднаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кав-каза климата, развитію среди нашихъ войскъ болѣзней много способствуетъ и недостатокъ помѣщеній, что особенно тягостно въ зимнее время. Извѣстно, что у Черкесовъ на квартирахъ войска наши не зимуютъ. Сакли ихъ, то есть сплетенные изъ хвороста или тростника и обмазанные глиною хлѣвы, безъ оконъ, дверей и печей, съ постояннымъ въ нихъ холодомъ, сквознымъ вѣтромъ и дымомъ, очень плохое угощеніе для русскаго чело-вѣка, да, сверхъ того, гостепріимство горцевъ, какъ исконныхъ нашихъ

враговъ, и опасно. Поэтому вездѣ, на Кавказѣ и за Кавказомъ, устраиваются для нашихъ войскъ собственныя помѣщенія. Во всякомъ линейномъ баталіонѣ строенія эти каменные; солдатскія казармы въ нихъ просторны, удобны, въ зимнее время теплы, всегда чисты, опрятны и достаточно освѣжены воздухомъ. Для улучшения пищи есть разныя хозяйственныя заведенія, въ которыхъ сохраняютъ приготовленные припасы. Для штаба и офицеровъ выстроены прекрасныя дома, а для женатыхъ солдатъ чистенькія и опрятныя избы, такъ что среди туземныхъ селеній, съ нечистыми и душными саклями и землянками, наши штабы, съ окружающими ихъ постройками и великолѣпными каменными церквами, представляютъ небольшіе городки, на которыхъ въ этомъ дикомъ краю и взору пріятно отдохнуть.

Для донскихъ полковъ также устроены помѣщенія, въ штабахъ имѣются и казармы для казаковъ и особыя домики для полковыхъ командировъ и офицеровъ, есть вездѣ и на постахъ удобный пріютъ; но посмотрите, какая ужасная разница между постройками линейныхъ баталіоновъ и донскихъ полковъ! Наши помѣщенія, и офицерскія и казачьи, ветхи, неудобны, тѣсны, холодны и съ каждымъ годомъ дѣлаются все хуже и хуже. Отчего это? Оттого, что какъ сами линейные баталіоны, такъ и ихъ начальники не перемѣняются каждые три года, а служатъ постоянно, поэтому и командиры ихъ заботятся о далекомъ будущемъ, устраиваютъ удобства жизни для себя и для своихъ подчиненныхъ, въ надеждѣ долго пользоваться ими; да притомъ рассчитываютъ и на то, что, въ случаѣ назначенія ихъ къ другой должности или увольненія отъ службы, всѣ постройки и хозяйственныя заведенія легко сдадутся новому командиру, если были содержаны въ порядкѣ. Донскіе же командиры полковъ и другихъ частей ожидаютъ только, какъ бы кончить трехлѣтній срокъ службы своей, мало заботясь о томъ, какъ будутъ жить ихъ преемники, а командиръ новоприбывшаго полка, не имѣя возможности повѣрить, въ какомъ видѣ предмѣстникъ его принялъ штабы, посты и прочія строенія, долженъ по необходимости принимать ихъ такими, какъ они есть, чтобы, въ свою очередь, сдать ихъ, по большей части, еще въ худшемъ положеніи.

Впрочемъ, мы описываемъ состояніе донскихъ штабовъ и

постовъ, какъ оно было въ 1842 и 1843 годахъ. Говорятъ, что послѣ того кавказское начальство прѣлагало много заботъ объ улучшеніи этихъ помѣщеній и о постройкѣ новыхъ и что теперь строенія находятся въ лучшемъ противъ прежняго положенія, но далеко еще не въ томъ видѣ, какъ они быть должны, или чтобы могли выдержать сравненіе со штабами линейныхъ баталіоновъ. Для того, чтобы помѣщенія донскихъ полковъ могли улучшаться или хотя не оставаться въ худшемъ видѣ, донскіе командиры лишены были двухъ важныхъ двигателей, которыми побуждается усердіе человѣчества: расчетовъ собственной пользы и отвѣтственности передъ начальствомъ.

Сверхъ того, для сбереженія здоровья воинскихъ чиновъ на Кавказѣ болѣе всего можетъ содѣйствовать улучшенная пища. Каждый знаетъ, какъ для этого полезно имѣть въ полкахъ собственные огороды и бакчи, да завестись разною необходимою по хозяйству посудой, чтобы можно было наготовить овощей и мяса въ прокъ; но въ перемѣняющихся каждые три года донскихъ полкахъ ничего этого не было, да и не могло быть, по невозможности составить въ такомъ полку какую нибудь экономическую сумму. Вся необходимая домашняя посуда приобрѣталась собственными средствами казаковъ постепенно, а чрезъ это они долгое время по прибытіи на службу терпятъ во всемъ большой недостатокъ. Неоднократно высшее кавказское начальство заботилось, чтобы казаки стараго полка, при смѣнѣ своей, передавали посуду и другія домашнія обзаведенія полку новому; но это рѣдко исполнялось: казаки, истощивъ всѣ домашнія средства свои на снаряженіе себя къ службѣ, почти всѣ приходятъ на оную безъ денегъ, а потому старыи полкъ, признавая невыгоднымъ имѣть дѣло съ новымъ, обыкновенно продавалъ Армянамъ тѣ излишнія вещи, которыхъ не имѣлъ возможности взять съ собою. Исключенія бывали только тогда, когда на смѣну полка приходилъ полкъ одного и того же военнаго донскаго округа: въ этихъ случаяхъ, станичники ладили между собою. Такимъ же образомъ, хотя и дѣлались распоряженія, чтобы старыи полки устраивали для новыхъ огороды и застѣвали бакчи, но если такое распоряженіе и исполнялось, то въ самомъ маломъ объемѣ и съ большою небрежностію; да и трудно было наблюдать и со всею строгостію требовать, чтобы казаки, для людей

постороннихъ и имъ неизвѣстныхъ, жертвовали бесплатно своими собственными трудами, а тѣмъ болѣе несли какія либо издержки.

Если Кавказъ, безъ особенной заботливости начальства, не можетъ снабдить нижнихъ чиновъ здоровою, матеріальною пищею, то онъ еще скупѣе для доставленія офицерамъ пищи умственной. За исключеніемъ немногихъ донскихъ полковъ или, лучше сказать, сотенъ, которымъ открывается рѣдкое счастье участвовать въ экспедиціяхъ, всѣ прочіе полки раздѣлены на мелкія команды по постамя. А что такое постъ на Кавказѣ? Это—маленькое укрѣпленіе, огороженное однимъ невысокимъ валомъ и терновникомъ, въ мѣстахъ, гдѣ, по большей части, нѣтъ никакого русскаго населенія. Кругомъ дикая природа и дикіе или полудикіе народы. Въ полковыхъ штабахъ рѣдко бываетъ одна сотня, а иногда случается и то, что при полковомъ командирѣ остается такъ мало казаковъ, что почти негѣмъ занимать домашнихъ карауловъ. Такимъ образомъ, донскіе офицеры живутъ цѣлые три года какъ бы на гауптвахтахъ, гдѣ собесѣдниками ихъ бывають одни простые казаки да иногда Черкесы. Конечно, офицеры эти имѣють достаточное время хорошо узнать своихъ подчиненныхъ; но что особенно полезнаго для себя почерпнуть они отъ такихъ собесѣдниковъ своихъ? Отъ этого происходитъ, что офицеры, прослужа нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ, не только не развиваються въ своемъ образованіи и не пріобрѣтають никакихъ новыхъ понятій, но видимо тупѣють и даже дичають. Тягостнѣе всего дѣйствуетъ такое положеніе на офицеровъ, вышедшихъ изъ кадетскихъ корпусовъ и другихъ учебныхъ заведеній.

Пріѣзжая на Кавказъ въ лѣтахъ, едва превышающихъ дѣтскій возрастъ, не утвердившись въ правилахъ и попадая прямо въ какое либо подобное захолустье, въ кругъ простыхъ и грубыхъ собесѣдниковъ, несчастные юноши превращаються въ истинныхъ страдальцевъ, и слава Богу, если сохранять свою добрую нравственность. Къ несчастію, были и такіе примѣры, что многіе пріобрѣтали не только грубыя привычки, но даже увлекались низкими пороками. —

Для облегченія такой горькой участи молодыхъ офицеровъ, единственное средство — чтеніе. Кавказская служба до-

ставляетъ много досуга для занятій и для размышленія. Но гдѣ взять книги? Самимъ офицерамъ пріобрѣтать ихъ или выписывать журналы — доступно не для многихъ, ибо большая часть служащихъ здѣсь офицеровъ крайне бѣднаго состоянія. Въ регулярныхъ полкахъ и даже въ баталіонахъ заведены собственныя бібліотеки. Но для донскаго полка, существующаго на Кавказѣ всего три года только, это дѣло чрезвычайно трудное. Если бы просвѣщенный и благомыслящій полковой командиръ содѣйствіемъ и примѣромъ своимъ успѣлъ согласить офицеровъ, чтобы они, въ продолженіе трехъ лѣтъ, пріобрѣли для себя нѣсколько полезныхъ книгъ и журналовъ, то куда съ ними дѣваться по истеченіи этого срока? Мы видѣли, какъ трудно передавать отъ стараго полка новому хозяйственнымъ заведенію, а книги, которыя въ продолженіе трехъ лѣтъ могутъ быть выписаны на значительную сумму, навязать новому полку почти невозможно, по той же бѣдности почти всѣхъ вновь приходящихъ офицеровъ.

При третней сибѣ донскихъ полковъ и при учрежденіи постоянныхъ полковыхъ штабовъ, могутъ явиться случаи, что иной офицеръ и казакъ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ и привыкнувъ къ тамошней жизни, рѣшится пригласить туда свое семейство и навсегда поселиться тамъ. Безъ сомнѣнія, начальство кавказское не только не будетъ препятствовать такимъ желаніямъ, но, напротивъ, станетъ поощрять ихъ, и если допустить, что въ продолженіе десятковъ лѣтъ число такихъ офицеровъ и казаковъ будетъ значительно, то что можетъ потерять отъ того составъ всего войска донскаго? Мы слышали толки, что войско лишится, такимъ образомъ, отличныхъ и предприимчивыхъ хозяевъ; но не должны ли мы, для доброй славы самаго тихаго Дона нашего, желать, чтобы и оставляющіе берега его да входящіе въ чужую семью были люди достойные, потому что и тамъ они не осрамятъ завѣтнаго для всѣхъ насъ имени донцовъ.

Опасенія, что подобныхъ случаевъ можетъ быть съ каждымъ годомъ все больше и больше и что наконецъ войско донское станетъ терять много народа и превращаться въ пустыню, также несправедливы. Какъ бы часты ни были подобные случаи, но небольшое число утверждаемыхъ на Кавказѣ шта-

Бовъ донскихъ полковъ можетъ насъ успокоить, что чрезъ это донскому народонаселенію не будетъ предстоять никакой опасности. Притомъ, дозволяя желающимъ офицерамъ и казакамъ селиться при штабахъ донскихъ полковъ на Кавказѣ, мы вовсе не теряемъ ихъ изъ нашего войска, ибо прочно устроенные на Кавказѣ полки наши, какъ требующіе ежегоднаго съ Дона обновленія, будутъ всегда оставаться въ вѣдѣніи донскаго начальства, а съ ними, конечно, будутъ подчиняться ему и поселившіяся при нихъ донскія семейства. Разумѣется, что переселенія должны быть основаны на полной свободѣ, которая болѣе всего содѣйствуетъ процвѣтанію и благосостоянію обществъ, и необходимо, чтобы всѣ переселившіеся, въ случаѣ желанія возвратиться снова на Донъ, могли исполнять это безъ малѣйшаго препятствія. Конечно, возвратится только тотъ, кому это будетъ нужно, а, между тѣмъ, всѣ одушевятся мыслью, что никто не закабаленъ навѣки и каждому предоставлено дѣйствовать по собственному своему усмотрѣнію.

Природа Кавказа замѣчательна обиліемъ всего, что можетъ способствовать процвѣтанію смышленнаго и трудолюбиваго населенія. Нынѣшніе же обитатели этого края, коснѣя въ дикости нравовъ, вовсе не думаютъ пользоваться щедрыми дарами Божіими, а проводятъ всю свою жизнь въ хищничествѣ. Хотя теперь русское оружіе и увѣнчалось важными успѣхами въ дѣлѣ завоеванія Кавказа, но долго еще въ его дебряхъ будутъ гнѣздиться грабители и разбой, пока всѣ горцы не почувствуютъ потребности перейти къ другому, мирному образу жизни. Когда же настанетъ это время и что можетъ ускорить столь желаемую эпоху? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, взглянемъ на нравы и жизнь горца. Это далеко не простой дикарь-американецъ при открытіи Колумба. Горецъ—человѣкъ, обладающій желѣзною волею и хитрымъ умомъ, которые у него развиты своеобразно. Вѣковая вражда, разъединившая Кавказъ съ Россією, имѣла послѣдствіемъ, что многія идеи и понятія кавказскихъ народовъ не только не сходятся съ нашими, но очень часто бываютъ совершенно имъ противоположны. Что у насъ считается порокомъ, преступленіемъ, то у горцевъ самое обыкновенное дѣло. Такъ, алчный къ деньгамъ горецъ, не задумаясь, продастъ сестру, жену, дочь, измѣнитъ и намъ и своимъ; а грабежъ, разбой,

месть онъ возводитъ даже на степень геройства. Поэтому можно будетъ считать Кавказъ совершенно успокоеннымъ лишь тогда, когда въ понятія и чувства тамошнихъ народовъ проникнутъ болѣе человѣческія идеи и когда во всѣхъ горскихъ аулахъ водворятся нравы, требуемые условіями благоустроенныхъ обществъ.

Для такой высокой и благотворной цѣли можетъ быть полезнымъ и содѣйствіе донскихъ полковъ, съ указаннымъ нынѣ существованіемъ ихъ на Кавказѣ. Мы видѣли, что, при прежней, трехлѣтней смѣнѣ всего состава этихъ полковъ, заводимыя на Кавказѣ знакомства съ горцами не приносили прочныхъ результатовъ для военнаго дѣла; еще труднѣе было ожидать какихъ либо полезныхъ послѣдствій собственно для самихъ горцевъ. Чтобы снискать довѣренность этого дикаго и нерасположеннаго къ намъ народа, не довольно мимоходомъ только сблизиться съ нимъ, а нужно слиться и утвердить связи знакомства долговременною привычкою: только тогда можно надѣяться пріобрѣсти надъ ними какое либо вліяніе. При новомъ же порядкѣ смѣны полковъ, сближеніе наше съ горцами можетъ продолжаться и развиваться точно такъ, какъ бы донскіе полки были на Кавказѣ совершенно неперемѣнными, подобно линейнымъ баталіонамъ или бригадамъ линейныхъ казаковъ, потому что остающіяся на мѣстахъ донскіе сотни имѣютъ достаточно времени познакомиться новоприбывшихъ товарищей съ своими азіатскими кунаками.

При дальнѣйшемъ служеніи на Кавказѣ донскихъ полковъ съ новымъ порядкомъ смѣны; можно надѣяться также, что горцы станутъ поступать въ казачью службу, чего, разумѣется, не только не должно запрещать, а, напротивъ, слѣдуетъ всячески поощрять. Бывали примѣры, что горцы, вступая въ донскіе полки, скоро привыкали къ нашему образу жизни, усвоивали наши обычаи, нравы, понятія, дѣлались добрыми и вѣрными товарищами и даже принимали крещеніе.

Всякому извѣстно, что нѣтъ лучшаго средства къ умиротворенію Кавказа, какъ святая вѣра наша. Но распространеніе христіанства между этими племенами — подозрительными, своенравными и во многихъ мѣстахъ горячо преданными исламу — дѣло нелегкое. Наши ревностнѣйшіе проповѣдники, при всемъ

своемъ усердіи, при подъятыхъ ими трудахъ и переносимыхъ опасностяхъ, встрѣчаютъ на каждомъ шагу затрудненія и препятствія, и потому святое дѣло подвигается на Кавказѣ весьма медленно.

Намъ кажется, что усиліямъ духовныхъ проповѣдниковъ долженъ всего болѣе содѣйствовать примѣръ доброй жизни самихъ жителей-христіанъ. Недовѣрчивый горецъ будетъ съ большими сомнѣніемъ выслушивать самые краснорѣчивые богословскіе доводы, но гораздо легче убѣдится, если увидитъ на дѣлѣ, своими глазами, плоды христіанскаго ученія и удостовѣрится въ превосходствѣ его добровольно и какъ бы нечаянно.

Въ этомъ отношеніи, могли бы принести лепту и военные люди. Если донскіе полки на Кавказѣ будутъ имѣть просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ духовныхъ пастырей, то усердные сыны церкви Божіей, донцы, при ихъ добрыхъ нравахъ и строгомъ поведеніи, могли бы служить хорошимъ примѣромъ для горцевъ, а если будутъ въ полкахъ и постоянные семейные люди, то превосходство христіанскихъ супружескихъ и родительскихъ отношеній передъ магометанскими незамѣтно привлекало бы къ истинной вѣрѣ и горцевъ, особенно вступившихъ на службу въ полки наши. Благородная довѣренность супруговъ другъ къ другу и свобода въ обращеніи обоихъ половъ не могли бы не тронуть душъ, хотя зачерствѣлыхъ въ невѣжествѣ, но не лишенныхъ способности понимать полезное и прекрасное.

Конечно, нельзя ручаться, чтобы всѣ эти ожиданія могли скоро исполниться или чтобы они не встрѣтили многихъ затрудненій. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что новый порядокъ смѣны служащихъ на Кавказѣ донскихъ полковъ, вызванный, какъ мы видѣли, вопіющими необходимостями, доставитъ какъ этимъ полкамъ, такъ и самой службѣ много пользы, что и должно утѣшить насъ въ жалобахъ объ измѣненіи «добрыхъ порядковъ» старины, къ числу которыхъ причисляли и возвращеніе нашихъ полковъ со службы въ полномъ составѣ. Кто, однакожь, на Дону, кромѣ однихъ инспекторовъ, встрѣчалъ приходящими въ такомъ видѣ съ Кавказа полки? Всѣмъ извѣстно, что они всегда распускаются на самой границѣ войска, въ Егорлыцкой станицѣ, и оттуда казаки отправляются въ мѣста

СВОИХЪ ЖИЛИЩЪ МЕЛКИМИ КОМАНДАМИ, НЕРѢДКО ДАЖЕ И ПОДИ-
НОЧКЪ.

Встрѣтимъ же радостно новый порядокъ сибѣны донскихъ полковъ, какъ зарю возрожденія ихъ къ лучшему, и каждый изъ насъ, по мѣрѣ силъ своихъ и служебнаго значенія, да приложить собственное стараніе къ вѣрному достиженію такой благой цѣли.

И. К—ОВЪ.
